

UZBEKISTAN LAW REVIEW

ISSUE 2
2025

**ЎЗБЕКИСТОН ҚОНУНЧИЛИГИ
ТАҲЛИЛИ**

UZBEKISTAN LAW REVIEW

**ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА**

ИЛМИЙ ТАҲЛИЛИЙ ЖУРНАЛ	SCIENTIFIC ANALYTICAL JOURNAL	НАУЧНО АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
--------------------------------------	--	--

**2025
№2**

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ

БОШ МУҲАРРИР:

Гулямов Саид Саидахарович – юридик
фанлари доктори, профессор.

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ АЪЗОЛАРИ:

Рустамбеков Исламбек Рустамбекович – ю.ф.д.,
профессор.

Ҳўжаев Шохжаҳон Акмалжон ўғли – юридик
фанлар бўйича фалсафа доктори.

Оқюлов Омонбой – ю.ф.д., профессор.

Эргашев Восит Ёқубович – ю.ф.н., профессор.

Маҳкамов Отабек Мухтарович – ю.ф.д.

Суюнова Дилбар Жолдасбаевна – ю.ф.д., доц.

Мусаев Бекзод Турсунбоевич – ю.ф.д., доц.

Беков Ихтиёр – ю.ф.д., проф.

Бозоров Сардор Сохибжонович – ю.ф.д., проф.
в.б.

Хазратқулов Одилбек Турсунович – юридик
фанлари номзоди, доцент.

Самарходжаев Ботир Билялович – ю.ф.д.,
профессор.

Ходжаев Бахшилло Камалович – ю.ф.д.,
профессор.

Нарзиёв Отабек Саъдиевич – ю.ф.д., проф. в.б.

Жолдасова Шахноза Батировна – юридик
фанлар бўйича фалсафа доктори.

Маълумот олиш учун қуйидагиларга мурожаат этиш
сўралади:

**Гулямов Саид Саидахарович,
Рустамбеков Исламбек Рустамбекович**
ТДЮУ, Халқаро хусусий ҳуқуқ кафедраси,
Ўзбекистон Республикаси, Тошкент ш., 100047,
Сайилгоҳ кўчаси, 35. Тел: 233-66-36

"Ўзбекистон қонунчилиги таҳлили"нинг электрон
нусхаси Интернетдаги www.library-tsul.uz ёки
www.lawreview.uz сайтида жойлаштирилган.

**Журнал 2013 йилдан Ўзбекистон Республикаси
Вазирлар Маҳкамасининг Олий Аттестация
комиссияси журналлари рўйхатига киритилган.**

Ушбу журналда баён этилган натижалар, хулосалар,
талқинлар уларнинг муаллифларига тегишли бўлиб,
Ўзбекистон Республикаси ёки Тошкент давлат юридик
университети сиёсати ёки фикрини акс эттирмайди.

2025 йилда нашр этилди.

Муаллифлик ҳуқуқлари Тошкент давлат юридик
университетига тегишли. Барча ҳуқуқлар ҳимояланган.
Журнал материалларидан фойдаланиш, тарқатиш ва
қўлайтириш Тошкент давлат юридик университети рухсати
билан амалга оширилади. Ушбу масалалар бўйича Тошкент
давлат юридик университетига мурожаат этилади.
Ўзбекистон Республикаси, Тошкент ш., 100047, Сайилгоҳ
кўчаси, 35.

ISSN 2181-8118

Масъул котиб: **И. Рустамбеков**

Наشريёт муҳаррири: **Н. Ниязова**

Техник муҳаррир: **Д. Козимов**

Лицензия № 02-0074

Босишга рухсат этилди – 28.06.2025

Наشريёт ҳисоб табоғи – 5

«IMPRESS MEDIA» босмаҳонасида босилди

Адади – 100 нусха.

**ИЛМИЙ-ТАҲЛИЛИЙ
ЖУРНАЛ**

2/2025

Турдиалиев Мухаммад Али Пулатжон угли

И.о. доцент, д.ф.ю.н., заместитель заведующего кафедры Международного частного право ТГЮУ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СИСТЕМАМ ИИ В
ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В СИСТЕМЕ КОЛЛИЗИОННОГО
ПРАВА**

Аннотация. В статье исследуются теоретические подходы к системам искусственного интеллекта в трансграничных коммерческих отношениях в контексте коллизионного права. Рассматриваются проблемы адаптации традиционных связующих факторов к транзакциям с участием ИИ, включая принципы *lex loci contractus* и *lex loci delicti*. Анализируются вопросы определения местоположения систем ИИ, влияние законов о локализации данных и проблемы интеллектуальной собственности, созданной ИИ. Особое внимание уделяется теориям разрешения конфликтов, включая анализ интересов и концепцию *lex informatica*. Предлагаются новые подходы к определению применимого права для автономных систем и децентрализованных автономных организаций в международной торговле.

Ключевые слова: искусственный интеллект, коллизионное право, трансграничная торговля, *lex informatica*, локализация данных, интеллектуальная собственность, автономные системы, блокчейн, международное частное право

Abstract. The article examines theoretical approaches to artificial intelligence systems in cross-border commercial relations within the context of conflict of laws. It addresses the challenges of adapting traditional connecting factors to AI-mediated transactions, including the principles of *lex loci contractus* and *lex loci delicti*. The study analyzes issues of AI system localization, the impact of data localization laws, and problems of AI-generated intellectual property. Special attention is given to conflict resolution theories, including interest analysis and the concept of *lex informatica*. New approaches are proposed for determining applicable law for autonomous systems and decentralized autonomous organizations in international trade. The research highlights the need for innovative legal thinking to balance traditional principles with new concepts adapted to AI's unique characteristics.

Keywords: artificial intelligence, conflict of laws, cross-border trade, *lex informatica*, data localization, intellectual property, autonomous systems, blockchain, private international law

Annotatsiya. Maqolada sun'iy intellekt tizimlarining transchegaraviy tijorat munosabatlarida qonunlar to'qnashuvi kontekstidagi nazariy yondashuvlar o'rganiladi. An'anaviy bog'lovchi omillarni sun'iy intellekt ishtirokidagi tranzaksiyalarga moslashtirishdagi muammolar, jumladan *lex loci contractus* va *lex loci delicti* tamoyillari ko'rib chiqiladi. Sun'iy intellekt tizimlarini joylashtirishdagi

masalalar, ma'lumotlarni mahalliyashtirish qonunlarining ta'siri va sun'iy intellekt tomonidan yaratilgan intellektual mulk muammolari tahlil qilinadi. Nizolarni hal qilish nazariyalariga, shu jumladan manfaatlarni tahlil qilish va *lex informatica* kontsepsiyasiga alohida e'tibor qaratiladi. Xalqaro tijoratda avtonom tizimlar va markazlashtirilmagan avtonom tashkilotlar uchun qo'llaniladigan qonunni aniqlashning yangi yondashuvlari taklif etiladi.

Kalit so'zlar: sun'iy intellekt, qonunlar to'qnashuvi, transchegaraviy savdo, *lex informatica*, ma'lumotlarni mahalliyashtirish, intellektual mulk, avtonom tizimlar, blokcheyn, xalqaro xususiy huquq.

Введении

Интеграция систем ИИ в международную торговлю ставит серьезные проблемы перед традиционными теориями коллизионного права. В этом разделе рассматривается, как адаптируются существующие структуры и разрабатываются новые подходы для учета уникальных характеристик ИИ в трансграничных коммерческих отношениях, учитывая его децентрализованную природу и возможности автономного принятия решений.

Концепции определения применимого права в отношениях с участием ИИ

Применение традиционных связующих факторов к транзакциям, опосредованным ИИ, требует значительной адаптации для учета уникальных характеристик этих систем. Принцип *lex loci contractus*, закрепленный в статье 4 Регламента Рим I, сталкивается с трудностями при применении к облачным службам ИИ или децентрализованным автономным организациям (DAO). Рассредоточенный характер этих систем усложняет определение единого места заключения договора. Аналогичным образом, принцип *lex loci delicti*, закрепленный в статье 4 Регламента Рим II, становится проблематичным при рассмотрении правонарушений, вызванных ИИ, которые могут происходить в нескольких юрисдикциях одновременно.

Для решения этих проблем ученые предложили новые связующие факторы, характерные для ИИ. Один из таких подходов предполагает использование местоположения данных обучения ИИ в качестве определяющего фактора, утверждая, что это представляет собой наиболее значимую связь системы с юрисдикцией. Другое предложение фокусируется на месте развертывания ИИ, учитывая, где решения системы реализуются или оказывают свое основное влияние. Эти адаптации направлены на обеспечение более релевантных и предсказуемых результатов в спорах, связанных с ИИ. Однако они также поднимают новые вопросы, например, как обрабатывать сценарии, когда данные обучения или развертывания охватывают несколько юрисдикций. Концепция «цифрового присутствия» была предложена в качестве потенциального решения, где связи системы ИИ с различными юрисдикциями взвешиваются на основе таких факторов, как объем данных, вычислительная мощность и

экономическое воздействие. Этот подход, хотя и многообещающий, требует дальнейшей разработки для обеспечения правовой определенности и практической применимости. Поскольку системы ИИ продолжают развиваться, адаптация связующих факторов, вероятно, потребует постоянной переоценки, чтобы идти в ногу с технологическим прогрессом и обеспечивать эффективное разрешение конфликтов в трансграничных транзакциях с использованием ИИ.

Доктрина наиболее характерного исполнения, ключевая концепция при определении применимого права для международных контрактов, сталкивается со значительными проблемами при применении к транзакциям, управляемым ИИ. Этот принцип, отраженный в статье 4(2) Регламента Рим I, направлен на определение стороны, чье исполнение является наиболее важным для контракта. Однако в транзакциях, опосредованных ИИ, особенно тех, в которых задействованы автономные системы, определение характерного исполнения становится все более сложным. Например, в смарт-контракте, исполняемом DAO, исполнение может быть полностью автоматизировано, размывая границы между ролями сторон. Недавнее прецедентное право начало бороться с этими проблемами, как это видно из решения Высокого суда Англии в деле AA против неизвестных лиц, в котором рассматривался правовой статус криптовалют и, как следствие, технологии блокчейн, лежащей в основе многих систем, управляемых ИИ.

Чтобы адаптировать доктрину характерной производительности к транзакциям ИИ, некоторые ученые предлагают сосредоточиться на стороне, ответственной за развертывание или управление системой ИИ. Однако этот подход может недостаточно учитывать действительно автономный ИИ, который работает вне прямого человеческого контроля. Другая точка зрения предлагает рассматривать «наиболее характерный алгоритм» в случаях, когда взаимодействуют несколько систем ИИ, аналогично определению наиболее характерной производительности человека. Эта концепция, хотя и инновационная, поднимает вопросы о технической осуществимости изоляции и юридической характеристики отдельных алгоритмов в сложных экосистемах ИИ. Задача судов и законодателей состоит в разработке гибкой, но предсказуемой структуры для применения доктрины характерной производительности к транзакциям, управляемым ИИ. Это может включать многофакторный анализ, учитывающий такие элементы, как степень автономности ИИ, характер человеческого надзора и распределение риска и выгоды среди сторон, участвующих в транзакции.

Принцип автономии сторон в выборе права, краеугольный камень международного договорного права, сталкивается с уникальными проблемами, когда системы ИИ участвуют в формировании и исполнении контрактов. Этот принцип, закрепленный в статье 3 Регламента Рим I, позволяет сторонам выбирать право, регулирующее их контракт. Однако, когда системы

ИИ ведут переговоры или заключают контракты автономно, возникают вопросы о природе «намерения» и действительности положений о выборе права. Растущее использование смарт-контрактов и технологии блокчейн в международной торговле еще больше усложняет эту проблему, поскольку эти системы часто работают в разных юрисдикциях с минимальным вмешательством человека. Недавние разработки в области технологии смарт-контрактов, такие как основанные на платформе Ethereum, ввели концепцию «кода как закона», где договорные условия и их исполнение встроены в само программное обеспечение.

Это поднимает вопросы о том, как традиционные принципы выбора права могут быть применены к таким самоисполняемым соглашениям. Некоторые ученые выступают за расширение концепции автономии сторон, чтобы включить выбор, сделанный системами ИИ, действующими в качестве агентов для своих человеческих принципалов. Однако этот подход требует тщательного рассмотрения ограничений агентства ИИ и потенциальных результатов, непредвиденных человеческими сторонами. Другая точка зрения предполагает, что положения о выборе права в контрактах, опосредованных ИИ, должны подвергаться более тщательной проверке, чтобы гарантировать, что они отражают подлинные намерения сторон, а не алгоритмическую оптимизацию. Задача законодателей и судов состоит в том, чтобы разработать структуру, которая сохраняет преимущества автономии сторон, одновременно учитывая уникальные характеристики заключенных контрактов, управляемых ИИ. Это может включать разработку новых стандартов для проверки положений о выборе права в соглашениях, опосредованных ИИ, потенциально требуя большей прозрачности в процессе принятия решений ИИ или налагая ограничения на сферу автономии ИИ в выборе применимого права.

Проблемы локализации ИИ в международном частном праве

Задача определения местоположения систем ИИ для юридических целей представляет собой существенную проблему в частном международном праве. Традиционные концепции юрисдикции и применимого права часто опираются на физическое местоположение, но системы ИИ, особенно те, которые используют распределенные вычисления или облачные сервисы, не поддаются простой категоризации. Общий регламент по защите данных Европейского союза (GDPR) решает эту проблему в статье 3, пытаясь определить территориальную сферу деятельности по обработке данных, что имеет последствия для систем ИИ, обрабатывающих персональные данные. Однако применение таких правил к децентрализованному ИИ остается спорным. Недавние дела выявили связанные с этим сложности, такие как решение Суда Европейского союза в деле Google LLC против CNIL, в котором рассматривался территориальный охват права быть забытым в контексте поисковых систем. Это дело, хотя и не касается конкретно ИИ, иллюстрирует проблемы

локализации цифровых сервисов с глобальным охватом. Некоторые ученые предлагают сосредоточиться на месте принятия решений ИИ как на определяющем факторе локализации.

Однако этот подход становится проблематичным с периферийным ИИ или системами федеративного обучения, где принятие решений распределено по нескольким устройствам или местам. Другая точка зрения предполагает использование местоположения основного воздействия ИИ или места, где используются его результаты. Эта «доктрина эффектов» согласуется с некоторыми существующими правовыми принципами, но может привести к непредсказуемым результатам в случаях глобального развертывания ИИ. Концепция «резидентства данных» получила распространение в качестве потенциального решения, сосредоточившись на том, где хранятся или обрабатываются критически важные данные ИИ. Однако этот подход сталкивается с проблемами в системах ИИ, которые используют динамические методы распределения или обработки данных. Поскольку технология ИИ продолжает развиваться, правовые рамки для локализации должны будут сбалансировать потребность в четких юрисдикционных правилах с гибкостью для размещения разнообразных и быстро меняющихся архитектур ИИ.

Законы о локализации данных существенно влияют на развертывание и эксплуатацию систем ИИ в международной торговле, создавая сложную ситуацию для предприятий, занимающихся трансграничной торговлей с использованием ИИ. Эти законы, требующие, чтобы определенные типы данных хранились или обрабатывались в пределах национальных границ, могут противоречить глобальному характеру многих систем ИИ, которые полагаются на большие, разнообразные наборы данных для обучения и эксплуатации. Закон Европейского союза об управлении данными, устанавливает условия для передачи данных в третьи страны, что потенциально влияет на системы ИИ, обрабатывающие данные ЕС. Аналогичным образом, Федеральный закон России № 242-ФЗ требует, чтобы персональные данные граждан России хранились и обрабатывались на территории России, что создает проблемы для международного развертывания ИИ.

Эти требования локализации могут фрагментировать разработку и развертывание ИИ, потенциально снижая эффективность систем ИИ, которые извлекают выгоду из разнообразных глобальных наборов данных. Некоторые ученые утверждают, что законы о локализации данных могут препятствовать инновациям в области ИИ, особенно для небольших компаний или развивающихся стран, в которых отсутствует надежная локальная инфраструктура данных. Однако сторонники локализации данных ссылаются на проблемы национальной безопасности и необходимость защиты конфиденциальности граждан в качестве оправдания этих мер. Напряжение между локализацией данных и потребностью в глобальных наборах данных для обуче-

ния ИИ привело к предложениям о «доверительных организациях данных» или «посольствах данных», которые могли бы обеспечить контролируемый обмен данными через границы с соблюдением национального суверенитета. Эти концепции направлены на создание безопасных, нейтральных пространств для хранения и обработки данных, потенциально позволяя системам ИИ получать доступ к разнообразным наборам данных без нарушения законов о локализации. Поскольку ИИ продолжает играть все большую роль в международной торговле, поиск баланса между защитой данных, национальной безопасностью и потребностью в глобальных потоках данных будет иметь решающее значение. Это может потребовать новых международных соглашений или разработки технических решений, которые смогут удовлетворить как требования законов о локализации данных, так и потребности глобальных систем ИИ.

Локализация интеллектуальной собственности (ИС), созданной ИИ, для целей коллизионного права представляет собой уникальные проблемы в частном международном праве. Традиционные рамки ИС, такие как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, основаны на человеческом авторстве и территориальной защите. Однако произведения и изобретения, созданные ИИ, бросают вызов этим основополагающим концепциям. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) инициировала дискуссии по ИИ и ИС, признавая необходимость международного консенсуса по таким вопросам, как авторство и изобретательство ИИ. Одной из ключевых проблем является определение места создания произведений или изобретений, созданных ИИ. Некоторые ученые предлагают сосредоточиться на месте, где была разработана или обучена система ИИ, утверждая, что это представляет собой истинную «творческую» связь. Другие предполагают, что место, где продукт, созданный ИИ, впервые зафиксирован или опубликован, должно быть определяющим, что соответствует традиционным принципам авторского права.

Проблема становится еще более сложной с системами ИИ, которые работают в нескольких юрисдикциях или используют методы федеративного обучения. В патентной сфере вопрос об изобретательстве ИИ решается по-разному в разных юрисдикциях. Патентное и товарное ведомство США в своем руководстве 2019 года заявило, что системы ИИ не могут быть указаны в качестве изобретателей, подчеркивая человеческий элемент в изобретении. Напротив, Южная Африка выдала патент на систему ИИ под названием DABUS, что потенциально создает проблемы коллизионного права в международной патентной защите. Эти расходящиеся подходы подчеркивают необходимость гармонизированных международных стандартов. Некоторые эксперты предлагают создать новую категорию прав ИС специально для произведений и изобретений, созданных ИИ, со своим собственным набором

связующих факторов для целей международного частного права. По мере дальнейшего развития ИИ разработка четких, международно признанных принципов локализации и защиты ИС, созданной ИИ, будет иметь решающее значение для содействия инновациям, обеспечивая при этом правовую определенность в трансграничном контексте.

Теории разрешения конфликтов при использовании ИИ в трансграничной торговле

Применение теории анализа интересов Брейнерда Карри к конфликтам, связанным с ИИ в международной торговле, предлагает тонкий подход к балансированию конкурирующих государственных интересов в регулировании и продвижении ИИ. Этот метод, который фокусируется на выявлении и взвешивании политических интересов вовлеченных юрисдикций, становится особенно сложным при применении к транзакциям, управляемым ИИ, которые могут одновременно затрагивать несколько государственных политик. В контексте конфликтов ИИ государственные интересы могут включать продвижение технологических инноваций, защиту прав потребителей, обеспечение конфиденциальности данных и поддержание национальной безопасности. Задача заключается в точном выявлении и взвешивании этих интересов, особенно при работе с новыми приложениями ИИ, которые могли не быть предусмотрены существующим законодательством. В недавних научных работах была предпринята попытка применить анализ интересов к цифровым конфликтам, предлагая рамки для оценки государственных интересов в таких областях, как защита данных и алгоритмическое регулирование.

Один из подходов предполагает классификацию государственных интересов в регулировании ИИ по уровням, с основными правами и национальной безопасностью наверху, за которыми следуют экономические интересы и соображения государственной политики. Этот многоуровневый подход может предоставить судам структурированный метод оценки конкурирующих интересов в спорах, связанных с ИИ. Однако критики утверждают, что анализ интересов может привести к предвзятости суда, поскольку суды потенциально отдают предпочтение местным интересам по сравнению с иностранными. Чтобы решить эту проблему, некоторые ученые предлагают включить международные стандарты и передовой опыт в структуру анализа интересов, обеспечивая более нейтральную основу для оценки государственной политики в отношении ИИ. По мере того, как технологии ИИ продолжают развиваться, подход к анализу интересов необходимо будет адаптировать для учета возникающих государственных интересов и политических целей. Это может включать разработку специализированных структур для различных типов приложений ИИ в международной торговле, признавая, что государственные интересы могут значительно различаться в зависимости от конкретного варианта использования ИИ и его потенциальных последствий.

Заключения

Концепция *lex informatica*, или закона сети, предлагает многообещающую основу для разрешения конфликтов в международной торговле, основанной на ИИ. Этот подход, впервые предложенный такими учеными, как Джоэл Рейденберг, предполагает, что технические стандарты и протоколы могут служить формой транснационального права для цифровых систем. В контексте ИИ *lex informatica* может обеспечить гибкий и отзывчивый механизм для управления поведением ИИ в разных юрисдикциях. Этот принцип соответствует изначально глобальной и технологически обусловленной природе систем ИИ, потенциально предлагая более эффективное регулирование, чем традиционные правовые подходы. Например, Глобальная инициатива IEEE по этике автономных и интеллектуальных систем разработала стандарты, которые могли бы стать основой *lex informatica* для ИИ. Эти технические стандарты могли бы решать такие вопросы, как алгоритмическая прозрачность, конфиденциальность данных и этическое принятие решений в системах ИИ. Внедряя правовые и этические принципы непосредственно в архитектуры ИИ, *lex informatica* может обеспечить форму «кода как закона», который действует последовательно через границы.

Однако остаются проблемы в разработке и внедрении всеобъемлющего *lex informatica* для ИИ в глобальной торговле. Одним из ключевых вопросов является обеспечение демократической легитимности и подотчетности при разработке технических стандартов, имеющих юридическую силу. Еще одной проблемой является согласование потенциально противоречивых национальных правил с глобальной структурой *lex informatica*. Некоторые ученые предлагают гибридный подход, при котором принципы *lex informatica* включаются в традиционные правовые инструменты, такие как международные договоры или типовые законы. Это могло бы обеспечить баланс между гибкостью технических стандартов и авторитетом формальных правовых рамок. Поскольку системы ИИ становятся все более сложными и автономными, роль *lex informatica* в управлении их поведением в международной торговле, вероятно, будет расти, что потребует постоянного диалога между техническими экспертами, учеными-юристами и политиками.

Разработка единого подхода к коллизионному праву, специфичного для ИИ в международной торговле, представляет собой амбициозную, но необходимую попытку решения уникальных проблем, создаваемых технологиями ИИ. Этот подход направлен на создание согласованной структуры для разрешения вопросов юрисдикции и применимого права в трансграничных сделках, управляемых ИИ. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) признала необходимость гармонизированных подходов к новым технологиям, включая ИИ, в международной торговле. Аналогичным образом Гагская конференция по международному частному

праву инициировала обсуждения аспектов международного частного права цифровой экономики, которые охватывают вопросы, связанные с ИИ. Один из предлагаемых единых подходов предполагает разработку многосторонней конвенции, специально посвященной конфликтам ИИ в международной торговле. Это могло бы установить единые связующие факторы для систем ИИ, стандартизированные правила определения применимого права и последовательные принципы признания и приведения в исполнение судебных решений в спорах, связанных с ИИ. Другая точка зрения выступает за создание типового закона об ИИ в международной торговле, который страны могли бы принять или использовать в качестве основы для национального законодательства.

Этот подход, аналогичный Типовому закону ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, может способствовать гармонизации, допуская при этом некоторые национальные вариации. Критики унифицированного подхода утверждают, что быстро развивающаяся природа технологии ИИ может быстро сделать любую фиксированную правовую базу устаревшей. Чтобы решить эту проблему, некоторые ученые предлагают «многоуровневый» подход, объединяющий основные принципы в обязательном международном документе с более гибкими руководящими принципами, которые можно будет легче обновлять. Разработка унифицированного подхода к коллизионному праву для ИИ в международной торговле потребует баланса между необходимостью правовой определенности и гибкостью для учета технологических достижений. Это также потребует решения потенциальных конфликтов с существующими международными торговыми соглашениями и национальными стратегиями ИИ. По мере развития обсуждений вклад различных заинтересованных сторон, включая разработчиков ИИ, международных трейдеров и юридических экспертов, будет иметь решающее значение для создания эффективной и широко приемлемой структуры.

Теоретические подходы к системам ИИ в трансграничных коммерческих отношениях в системе коллизионного права отражают потребность в инновационном правовом мышлении. Балансирование традиционных принципов с новыми концепциями, адаптированными к уникальным характеристикам ИИ, имеет важное значение для разработки эффективных структур, которые могут решать сложности ИИ в международной торговле.

References

1. Регламент Рим I - Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета о праве, применимом к договорным обязательствам
2. Регламент Рим II - Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета о праве, применимом к внедоговорным обязательствам
3. Общий регламент по защите данных Европейского союза (GDPR) - Регламент (ЕС) 2016/679

4. Закон Европейского союза об управлении данными (Data Governance Act)

5. Федеральный закон Российской Федерации № 242-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях"

6. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений

7. Google LLC v. CNIL - решение Суда Европейского союза по территориальному охвату права быть забытым

8. Карри, Брейнерд - теория анализа интересов в коллизионном праве

9. Рейденберг, Джоэл - концепция *lex informatica* (закона сети)

10. Глобальная инициатива IEEE по этике автономных и интеллектуальных систем - технические стандарты для ИИ

11. Руководство Патентного и товарного ведомства США 2019 года по изобретательству ИИ

12. Материалы Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по вопросам ИИ и ИС

13. Документы Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) по новым технологиям

14. Материалы Гаагской конференции по международному частному праву по цифровой экономике

15. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле